Н
Богданов

Будет ли закончено следствие

SHOUT
SHARE
IT

- Н. Г. Богданов
  - Возвращение на истинный путь
  - Виновник № 1
  - Причины ненависти
  - Было ли масонам дело до Пушкина?
  - Можно ли проникнуть в масонские тайны?
  - Масонскую версию — на вооружение!
  - Почему иностранец?
  - Преследование Пушкина
  - Нет, этот удар был не последним
  - Форма мести
  - Усыновление без усыновления
  - «Любовь» Дантеса
  - Анонимные письма
  - Женитьба
  - Пушкин против Геккерена
  - Расправа
  - Версия Геккерена
  - Помощники голландского посла
  - События после 1837 года

Н. Г. Богданов
БУДЕТ ЛИ ЗАКОНЧЕНО СЛЕДСТВИЕ?

Возвращение на истинный путь

Причины смерти великого русского поэта до сих пор остаются самым тёмным пятном в пушкиноведении. Порой даже не верится, что на протяжении ста пятидесяти лет огромная армия пушкинистов так и не могла разобраться в роковых событиях января 1837 года. Что обеспечило этому убийству прочную завесу, заглянуть за которую не удалось ещё никому? Будет ли тайна и дальше оставаться нераскрытой?

Обзор последних посвящённых этому вопросу публикаций — к чести советского пушкиноведения — вселяет в нас определённый оптимизм: может быть, очень скоро мы разгадаем эту загадку. «Пора для беспристрастного исследования, — писал Д. Благой, — которое даст возможность не только увидеть, но и понять, почему счастье поэта (имеется в виду его женитьба — *Н. Б.*) обернулось его гибелью, наступила».

Эти отрадные слова известный пушкинист произнёс после знакомства с работой, главной заслугой которой явилась полная реабилитация сестёр Гончаровых от обвинений в соучастии в убийстве поэта. Эти выводы, значение которых трудно переоценить, ещё более способствовали наметившейся в последнее время, хотя и запоздалой, но настойчиво пробивающей себе дорогу тенденции возвращения следствия по делу об убийстве Пушкина с ложного пути на истинный. Печально сознавать, но всё это долгое время следователи от пушкиноведения вели поиски преступника не там, где следовало, и обвиняли в убийстве поэта кого угодно, только не настоящего убийцу.

Кто только не подозревался в причастности к этой катастрофе Царь Николай, III-е отделение вообще и его шеф Бенкендорф в частности, «придворная клика», «высший свет», графиня Нессельроде и её салон, С. С. Уваров, князья Гагарин и Долгоруков, офицеры, служившие с Дантесом, жена поэта, её сестра Александра и т. д. и т. п.

Очень усиленно обвиняется во всём сам поэт, который несдержанностью и ревностью якобы «накликал» на себя беду.

Все эти и другие версии, всплывавшие во время следствия, были честно и скрупулезно «проработаны» пушкинистами и все они приводили (и не могли не привести, потому что следствие шло по ложному пути) объективного исследователя в тупик, в том числе и версии с Дантесом, который хотя и стрелял в Пушкина, но исполнял при этом чужую волю, а потому не может считаться виновником № 1.

Полтора века в качестве свидетеля по делу проходил и, следовательно, отсиживался в тени настоящий убийца — голландский посланник в Петербурге барон Луи де Геккерен. Это утверждение не сенсация, не плод долголетних архивных изысканий, не озарение свыше. Это естественный вывод. Который должен сделать человек, ознакомившийся со всем, связанным с убийством Пушкина, материалом. А что же пушкинисты? Голландский посол хорошо им знаком, они знают, что роль сыгранная им в пред дуэльной истории, была не последней, они смело, называют его сплетником, развратником, трусом и вообще готовым на любые мерзости человеком. Они много чего ещё знают о нём. Однако, каждый раз их попытки пойти дальше и выяснить роль Геккерена до конца застревали у какой-то невидимой черты, которую никто не осмеливался переступить. На всякое нечаянное проникновение за эту границу неискушёнными следопытами они реагировали молчанием, а порой и критикой в адрес смельчаков — «дилетантов». Кощунством среди пушкинистов было назвать Геккерена убийцей (как легко в то же время они наклеивали этот ярлык на всех, начиная с царя и кончая сестрам Гончаровыми). Более того, объясняя причины гибели поэта, они всегда следовали, не отходя от них ни на шаг, установкам и завещаниям которые оставил для них голландские посол. Невероятно? Но, к сожалению, это факт.

Так больше продолжаться не может. Вековая болезнь пушкинистов должна быть излечена. Научный подход требует беспристрастности и исключает наличие у исследователя любимчиков, с одной стороны, и запретных тем, с другой. Привилегированное положение посла в этой истории должно быть отменено. Пора для разоблачения Геккерена. и для воздаяния ему по делам его наступила. Он должен предстать перед судом истории.

Виновник № 1

«Был ли барон Геккерен сводником, — писал П. Е. Щёголев, — старался ли он облегчить своему приёмному сыну сношения с Пушкиной и привести эпизод светского флирта к вожделенному концу? Пушкин, его друзья и император Николай Павлович отвечали на этот вопрос категорический ДА!!».

Первым и самым авторитетным обвинителем Геккерена для нас является сам Пушкин, конечно. «По внешнему виду бумаги, по слогу письма и по тому, как оно составлено, — писал Пушкин Бенкендорфу 1 ноября 1836 г после получения злополучных дипломов, — я в первый же миг распознал, что оно исходит от иностранца, человека, принадлежащего к высшему обществу, от дипломата. Я пустился в розыски…, я уверился, что безыменное письмо исходило от г-на Геккерена». «Вы решили навести удар, который казался окончательным, — писал Пушкин Геккерену 17–21 ноября 183бгода. — Вами было составлено анонимное письмо… Вы отечески сводничали вашему сыну. Это вы диктовали ему пошлости, которые он отпускал, и нелепости, которые он осмеливался писать. Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о вашем сыне, а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, из-за лекарств, вы говорили, бесчестный вы человек, что он умирает от любви к ней, вы бормотали ей: верните мне моего сына…»

В ноябрьские дни 1836 года поэт встречался со многими людьми и разговор при этом неизменно заходил об анонимных письмах и поведении Геккерена. И столь же неизменно Пушкин заявлял, что причина всем событиям голландский посол. Таким образом, Пушкин был абсолютно уверен, что Геккерен являлся не только автором дипломов, но и организатором и вдохновителем темного заговора. Мы — потомки, ученики и охранители наследия и чести русского гения, должны вслед за Пушкиным обвинять в убийстве поэта только Геккерена и не сваливать вину на кого бы то ни было. Иначе это будет ещё одна подлость, иначе мы станем в одну компанию с Геккереном и его шайкой.

А вот показания Николая I. Император отказал голландскому посланнику в обычной в таких случаях провальной аудиенции, когда Геккерен благодаря своему дипломатическому иммунитету, выполнив свою миссию, благополучно уезжал из России. «Порицание поведения Геккерена справедливо и заслуженно, — писал государь своему брату Михаилу Павловичу, — он точно вёл себя как гнусная каналья. Сам сводничал Дантесу в отсутствие

Пушкина, уговаривал его жену отдаться Дантесу». Таковым же было мнение военного суда, судившего Дантеса и определившего, что «министр барон Геккерен, будучи вхож в дом Пушкина, старался склонить жену его к любовным связям со своим сыном. Сверх того, он поселял в публике дурное о Пушкине и его жене мнение на счет их поведения».

Современники, друзья поэта, когда-либо писавшие о его смерти, как на виновника всех кровавых событии единодушно указывали на голландского посла.

Жуковский: «Первый поэт России сделался жертвой иноземного разврата».

П. А. Вяземский: «Как только были получены эти анонимные письма, Пушкин заподозрил в их сочинении старого Геккерена, и умер с этой уверенностью. Мы так и не узнали, на чём было основано это предположение… Только неожиданный случай дал ему впоследствии некоторую долю вероятности…»

П. А. Вяземский и А. И. Тургенев в первые же дни после дуэли пришли к убеждению, что Пушкин пал жертвой тонкой и сложной интриги, что его «погубили», что за спиной Дантеса стояли силы, враждебные поэту, что обстоятельства, толкавшие его к гибели, он предотвратить не мог. Вяземский писал про «адские козни» и «адские сети», о том, что Пушкин попал в гнусную западню, о развратнейших и коварнейших покушениях двух людей на «супружеское счастье и согласие Пушкиных». В глазах Тургенева Геккерен и Дантес с каждым днём становились «мерзавцами более и более» по мере того, как раскрывалась «гнусность поступков» Геккерена.

В. М. Смирнов писал, что полиция имела неоспоримые доказательства об авторстве дипломов Геккерена, и Николай I в этом не сомневался. Смирнов называл «веретеном» всего дела дом Геккерена. «Одно не подлежит сомнению, вспоминал Смирнов — Геккерен был сочинителем пасквиля. Он был человек злой, эгоист, все средства казались ему позволительны; он имел злой язык, перессорил уже многих, его — презирали».

Английский дипломат Артур Мегенис: «… поэта упорно преследуют, желая навязать ему вызов, они хотят довести его до крайности, добиваются его смерти или желают навлечь на него гнев царя. Это — гнусность».

К. Данзас: «Геккерен сделался отъявленным врагом Пушкина, и, скрывая это, начал тайно вредить поэту».

Ф. Ф. Вигель: «… злой развратный Геккерен, следуя иезуитскому правилу, — цель оправдывает средства, — заключил с подобными себе экземплярами союз против Пушкина оборонительный и наступательный».

Карамзин: «Эти два человека, не знаю уж с какими дьявольским умыслом, принялись упорно и неуклонно преследовать Пушкина… Если правда, что Геккерен сам является автором этих писем, то это совершенно непонятная и бессмысленная жестокость с его стороны. Однако, люди, которым известна вся подоплека, утверждают, что его авторство почти доказано».

С. Карамзина: «Геккерен играл роль старой сводни».

На Геккерена как причину травли и гибели поэта указывали также великий князь Михаил Павлович, брат поэта Лев и его сестра Ольга, Л. Павлищев, А. Вульф, А. Л. Баратынская, Е. А. Карамзина, В. А. Соллогуб, П. П. Вяземский, В. И. Даль, А. Соболевский и многие другие.

Столь же единодушны в указании причин гибели поэта и исследователи жизни и творчества Пушкина. В их числе Е. Якушкин, А. Арапова. В. Никольский, П. В. Анненков. П. И. Бартенев. А. Амосов, О. Н. Смирнова, А. Ахматова, И. Андроников, И. Ободовская. М. Дементьев и другие.

И при таком единодушии главный виновник драмы столько лет сумел прятаться от правосудия!

Причины ненависти

Антипушкинская деятельность Геккерена в 36–37 гг. должна была иметь под собой очень и очень веские причины. За что голландский посол смертельно возненавидел русского поэта?

Тут скрывается загадка, разгадать которую почти никто не пытался; эта леность пушкинистов и способствовала, в частности, тому, что следствие пошло с самого начала по ложному пути.

Если бы на месте Геккерена оказался, скажем, Булгарин, то всё объяснилось бы просто: с Пушкиным он конфликтовал всю жизнь. Не было у поэта общего языка и с Бенкендорфом. Вообще на месте Геккерена, многие современники-неприятели Пушкина выглядели бы естественней. Но посол?!

В личных отношениях Пушкина с Геккереном не зафиксировано ни одного случая явной или тайной конфронтации. Несмотря на то, что Геккерен находился на службе в Петербурге с 1826 года, первые встречи поэта с ним — случайные и незначительные — относятся только к 30-м годам, т. е. к тому времени, когда Пушкин стал вхож в самое высшее — придворное общество. Однако эти встречи ничем не отличались от десятков других. Так продолжалось до 1836 г., когда голландский посол вдруг задался целью уничтожить русского поэта, не брезгуя ничем и ничего и никого не боясь. По словам Б. В. Никольского, Геккерен это «ядовитая гадина, которая упорно увивается у порога дома Пушкина, несмотря на грозящий ей поминутно, скандал».

Что двигало Геккереном? Ради чего он шёл на явный риск? Поведение его объяснимо только в том случае, если предположить за его спиной заговор, — на безумного одиночку посол совсем не похож. Указание на заговор, результатом которого пал русский поэт, является другим очень важным результатом возвращения следствия с ложного пути на истинный. Но здесь важно точно назвать заговорщиков, понять их цели и намерения, узнать причину ненависти к Пушкину. Д. Благой совершенно уверен в существовании такого заговора и утверждает, что олицетворяла его некая абстрактная «придворная клика», подыскавшая и нанявшая Геккерена в качестве исполнителя своих грязных планов. Но как легко, если верить Благому, они сошлись. Будто Геккерен не иностранный посол, не человек в годах, для которого карьера была превыше всего, а наёмный убийца, которому его ремесло являлось средством к существованию и который уже давно обивал пороги биржи труда, т. е. «придворной клики» в поисках заказа. Стоило кому-то из

«клики» мигнуть — и Геккерен вкупе с Дантесом у её ног, готовый ради благополучной, безмятежной жизни некоторых русских сановников убить Пушкина, при этом, обрекая на крушение самого себя и «сына», а может быть и на пулю от руки Пушкина или одного из его друзей. Если предположить, что кто-то из русских придворных и «дал задание» Геккерену убить Пушкина, то он должен был заплатить наемным убийцам дорогую цену! Но кто из русских подданных заплатил каким-либо способом Геккерену или Дантесу? В колоссальной по объёму пушкиниане нет ни словечка, посвящённого этому событию. Напротив, Геккерены всё потеряли в России. Что же, эти люди взялись за дело бескорыстно? Смешно и говорить об этом. Многие пушкинисты писали об их умопомрачительной корысти. Может быть, придворным «льстецам» и стало легче жить после смерти Пушкина, который при случае поддевал их острым словцом, но что от этого Геккеренам? Они уехали из России навсегда, как говорится, не солоно хлебавши.

Нет, «придворная клика» никак не похожа на организаторов заговора. Еще меньше подходит на эту роль администрация Николая I и, в частности, III отделение. Подобную ситуацию трудно представить. В таком случае получалось бы, что русское правительство, выбрав в качестве убийц Геккерена и Дантеса, тем самым намеренно втягивало в неприятную историю иностранное государство. Эдак недолго спровоцировать и военные действия!

Вопрос о подлинных заговорщиках долго оставался открытым. И здесь перед следствием прошёл целый ряд злоумышленников, пока не была высказана наиболее приемлемая и понятная (при всей окружающей это дело таинственности) версия, согласно которой кровавый антипушкинский заговор с Геккереном в качестве главного действующего лица составили масоны.

Некоторые исследователи заведомо обрекают эту масонскую версию на несостоятельность. «Какое дело масонам до Пушкина?» — спрашивают они и добавляют: «И вообще, проникнуть в масонские тайны дело чрезвычайно сложное, почти невозможное, а потому и стараться нечего, поскольку все доказательства будут построены на песке».

Заметим здесь же, что всякие попытки найти или назвать каких-либо других тайных заговорщиков, причастных к делу Пушкина, обречены на бесплодность. Поскольку в те времена никаких тайных обществ, кроме масонских, не существовало.

Было ли масонам дело до Пушкина?

Да, было, и, главным образом, потому, что он был масоном. Этот необдуманный поступок (вступление в 1821 году в Кишинёвскую ложу «Овидий»), совершенный им частью от скуки (в поисках новых ощущений), частью в подражание своим друзьям и знакомым, многие из которых были масонами или готовились ими стать, имел далеко идущие последствия. Думается, не случайно в пьесе «Пушкин» (1864) малоизвестного, но широко осведомлённого итальянского писателя Коссы убийца поэта носит фамилию «Инзов». Причина смерти Пушкина, берёт своё начало с того времени, когда он служил в Кишиневе под началом масона зарубежных лож генерала И. Н. Инзова.

Нас не должно смущать то обстоятельство, что деятельность масонства в России была запрещена Александром I в 1822 году. Русские ложи (в том числе и Кишинёвская) продолжали жить и после их официального закрытия. Постановление правительства только вынудило масонов произвести свой обычный манёвр. Перейти с легального на полу- или нелегальное положение. Так что всё осталось на своих местах. Таких, как Пушкин, были сотни, и все они потенциально оставались в масонской организации. Будь Пушкин обыкновенным, заурядным человеком, он, возможно, дожил бы до преклонных лет, и никакие масоны ему не повредили бы. Но Пушкин развивался, как говорят, не по дням, а по часам, он превратился в гения, во властителя дум всей России. Такой Пушкин был очень нужен масонам. Во-первых, для удовлетворения их самолюбия вот, дескать, какой великий человек, а тоже наш «брат». А во-вторых, и это главное, для привлечения Пушкина к служению идеалам масонства. Вот тут-то и вышла осечка.

Пушкин шёл своей дорогой. Его расхождение с масонством выражалось, как во взаимоотношениях с масонами (друзьями, знакомыми, начальством, чиновниками, литераторами), так и в творчестве, становившемся год от года всё более национальным а, следовательно, всё менее соответствующим масонским космополитическим идеям и интересам.

Уже с 1821 года у Пушкина появились различного рода разногласия. а иногда и просто нетерпимые отношения с масонами. В Кишинёве это проявилось, прежде всего, в отношениях с гроссмейстером ложи. «Овидия» П. С. Пущиным. Поэт смеялся над ним, называл его «грядущим Квирогой», тем самым, намекая, что из русского генерала никогда не получится вождь революции, как это случилось в Испании с масоном и

генералом А. Квирогой. Там же в Кишинёве поэт был знаком с масонами В. Ф. Раевским и М. Ф. Орловым, — будущими декабристами. С первым у Пушкина не было взаимопонимания в вопросе о назначении поэзии, с генералом у поэта тоже были трения, о чём он вспоминал в 1886 году. В Одессе поэт вступил в конфликт с масоном М. С. Воронцовым. Неровными были отношения Пушкина с будущими декабристами, большинство которых были масонами. Заговорщики насторожённо относились к молодому поэту. Их, может быть, обеспокоила его связь (с февраля 1821 года) с Каролиной Собаньской, осведомительницей полиций и сожительницей организатора тайного сыска за тайными обществами на юге страны. И. О. Витта. От Пушкина скрывали существование тайных обществ и на юге, где тон задавали масоны П. И. Пестель, С. Г. Волконский, В. Л. Давыдов и др., и на севере, где Пушкину не оказал доверия его друг, масон и лицеист, И. И. Пущин. Со своей стороны, поэт критиковал некоторых из деятелей тайных обществ и даже осудил после событий 1825 года декабристское движение в целом.

Не совсем гладкими были отношения Пушкина с руководителями этого движения (одновременно крайними масонами): Н. И. Тургеневым (столкновения между ними наблюдались как во время встреч в Петербурге, так и заочно, во время длительного пребывания последнего в Англии), П. И. Пестелем (согласно воспоминаниям И. Л. Липранди), К. Ф. Рылеевым и А. А. Бестужевым (отношение с этими литераторами характеризовала долгая заочная полемика по литературно-общественным вопросам). Не было полного взаимопонимания у Пушкина и с рядовым членом общества масоном В. К. Кюхельбекером (общеизвестны насмешки поэта над лицеистом) и с причастными к заговору крупными масонами А. С. Грибоедовым и П. Я. Чаадаевым (с последним у него была столь же продолжительная полемика на общественно-политические темы). Заметим, что полемика Пушкина с некоторыми декабристами и Чаадаевым предшествовал период дружеских отношений с ними.

В 1826 г Пушкин дал подписку не принадлежать впредь ни к каким тайным обществам, в том числе и масонским. Тем самым поэт как бы закрепил формально своё фактическое отношение к этим обществам.

Период жизни с 1826 по 1837 год прошёл для Пушкина под знаком конфронтации с такими масонами, как А. Х. Бенкендорф, П. В. Дубельт, С. С. Уваров, А. С. Шишков (старинный соперник по литературно группировкам), М. А. Дондуков-Корсаков, С. В. Булгарин, Н. И. Греч и др.

Этот же период отмечен постоянными контактами поэта с новым царём Николаем I. Это сближение значительно ослабило позиции недругов Пушкина. Бенкендорф остерегался крупно конфликтовать с поэтом, а доносы Булгарина чуть не обернулись позором и моральной смертью последнего. И в других, неприятных для Пушкина ситуациях Николай I неизменно помогал «своему» поэту.

Творчество поэта, исключая «вольнолюбивые» произведения 1817–1820 гг., шло вразрез с масонскими идеалами. Русский поэт так и не «заразился» до конца этими идеями, он «пел» великие своей Отчизны, гордился её историей и культурой, деятелями разных времён и поколений, разделял вместе с нею её горести и неудачи.

В «Истории пугачёвского восстания» поэт обнаружил ещё одну грань своего таланта. На очереди в планах Пушкина-патриота, Пушкина-историка стояла выдающаяся личность Петра Великого. В планах поэта-историка было также освещение личности (и времени) другого русского императора — Павла I. Это были только мечты, но и они не предвещали для определенной части русской общественности ничего хорошего — ведь Павел пал жертвой масонского заговора.

Пушкин вообще систематически критиковал Запад — цитадель мирового масонства. Под особую критику поэта попала Франция с её бесконечными масонскими революциями, а также Польша и, в частности, польское восстание 1830–31 гг., которое, как известно, пользовалось всемерной поддержкой западных политических кругов.

Другой неприятной для масонов особенностью творчества Пушкина был его интерес к запретным темам. Касаясь их, поэт разоблачал некоторые масонские тайны. Здесь, в первую очередь, следует указать на его отзыв о А. Н. Радищеве. В двух своих работах (статья «Александр Радищев» и очерк «Путешествие из Москвы в Петербург») поэт не только «по пунктам» опроверг мысли и взгляды своего соотечественника, но и впервые публично объявил, что Радищев был масон («мартинист») и что его знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву» есть плод масонского древа. «Радищев, — писал Пушкин, попал в их (масонов — *Н. Б.*) общество. Таинственность их бесед воспламенила его воображение. Он написал своё „Путешествие“… сатирическое воззвание к возмущению…». Статья Пушкина, откуда взяты эти строки, вчерне была закончена в апреле 1836 г. и предназначалась. для «Современника», в августе того же года она была задержана цензурой, а через несколько дней окончательно запрещена масоном С. С. Уваровым. Тот же Уваров

всеми силами стремился предотвратить появление в свет пушкинской «Истории Пугачева», Возможно, он опасался, что достоянием общественности станет прозападная и даже промасонская ориентация руководителя восстания на юго-востоке России.

Другой крупный масон М. М. Сперанский как шеф II отделения Канцелярии Его Величества, внимательно наблюдал за печатанием «Истории Пугачева» и, когда первые экземпляры были уже готовы, он всё-таки ещё раз спросил разрешения у царя на выход в свет этого сочинения. Николай вторично подтвердил свою волю, и масонам ничего не оставалось, как подчиниться. Пушкин продолжал в 1835 г. архивные изыскания на эту тему. К сожалению, работа эта, как и история Петра I, не была закончена. А какие бы краски добавил поэт к портрету Пугачёва!

Очень возможно, что вопросы, касавшиеся запретных масонских тем, поднимались поэтом в последние годы его жизни в частных беседах с друзьями и знакомыми, Можно себе представить, какую это вызывало реакцию в масонских кругах!

Да, масонам было дело до Пушкина: его надо было или приручить, или убрать о дороги.

Можно ли проникнуть в масонские тайны?

В 1922 г. выяснилось (выяснить это пушкинисты могли, кстати, намного раньше), что, расправляясь с Пушкиным, убийцы оставили после себя довольно странный, но очень отчетливый след. Речь идёт о сургучной печати, которой были запечатаны конверты с дипломами-пасквилями; последние были разосланы в ноябре 1836 знакомым поэта и ему самому. Один из таких конвертов, адресованный М. Ю. Виельгорскому, был обнаружен в секретном архиве III-го отделения после революции. Фотокопии этого конверта были опубликованы в 1922 и 1937 гг. Вот описание этой печати, сделанное А. С. Поляковым: «В середине стропила, в которых помечено прописное „А“, с левой стороны раскрытый циркуль с правой — пингвин щиплет куст, прикреплённый к решетке. Всё это имеет основанием подобие пера. Наверху изображение двух капель или пламенеющих языков с „оком“ внутри каждого». Печать необычная, особенно для тех, кто не знаком с символами, изображёнными на ней. Поляков рассказывает, как удивился этой печати сам Геккерен, которому она в своё время была показана. Она «довольно странная», — только и сказал интриган. Обратить внимание на эти символы уместно теперь, когда мы предположили за действиями Геккерена масонский заговор. Вне всякого сомнения (и это ясно даже для непосвящённого), что на печати изображены масонские символы и знаки. Достаточно указать на «всевидящее око» или циркуль — эти непременные атрибуты масонской символики. Разгадка совокупности изображённых на печати знаков — дело специалистов. Для нас важно одно: дипломы, разосланные по всему Петербургу, были помечены масонскими символами, смысл которых, конечно, был хорошо понятен тем, кто изготовлял эту печать. Для непосвящённых же эти знаки — нечто затейливое, невинное, случайное. Ясно также и то, что печать на конверте — не случайно оставленный след и не досадная ошибка великого стратега и тактика барона Геккерена. Это — заранее предусмотренное и обдуманное клеймо убийц (в данном случае — масонов), призванное, во-первых, напомнить «заблудшим» братьям об их обязанностях перед орденом, а во-вторых, послужить в назидание потомкам: так мы будем поступать с каждым отступником и непослушным.

Из истории с сургучной печатью видно, что масонская версия не такая уж недоказательная. На упрёки в том, что одной печати

маловато для обоснования гипотезы, ответим: масонская версия до сих пор почти не прорабатывалась следователями от пушкиноведения, а потому, думается, все находки и открытия ещё впереди. Но и до того, как они будут сделаны, этот новый для пушкинистов взгляд может оказать всем тем, кто желает разобраться в причинах смерти Пушкина, немалую услугу.

Масонскую версию — на вооружение!

Если масонскую версию взять на вооружение и посмотреть через «масонскую призму» на многие известные и неизвестные, неясные и совсем непонятные ситуации и события, связанные с убийством Пушкина, то вся эта история будет выглядеть несколько иначе, чем это виделось в пушкиноведении до сих пор.

Прежде всего, масонская версия объясняет саму таинственность этой истории. Без сомнения, такую почти непроницаемую тайну умеют делать вокруг себя и своих дел только масоны. Никакая другая организация (или правительство, или полиция, в том числе и тайная) не могли сравниться с ними в этом деле. Напомним ещё раз: в течение 150 лет громадная армия пушкинистов, честных, грамотных, энергичных людей, была не в состоянии рассеять эту тайну, хотя им, вроде бы, никто и ничто не мешало. После Октябрьской революции в их распоряжении оказались даже царские архивы — но и это не помогло.

Масонская версия предлагает нам следующий расклад сил, ополчившихся против русского поэта. Невидимый масонский центр распланировал операцию, исполнителем приговора был выбран голландский посол (не исключено, что он был одним из авторов заговора), подручных он подбирал по своему усмотрению. Таковыми оказались: француз Дантес и некоторые члены высшего общества в качестве помощников и статистов.

Отпадает вопрос о «странности» некоторых поступков Геккерена, напротив, все его действия выстраиваются в довольно логичную цепочку. Объясняется настойчивость (наглость!), неразборчивость в средствах, последовательность, изворотливость, уверенность в поддержке русской общественности и тому подобные «качества» голландского посла. Подчиниться масонскому приказу Геккерена побудило, как водится в таких случаях, солидное вознаграждение, которое ему (и Дантесу) было обещано (на Западе) после приведения приговора в исполнение. Подробно о вознаграждениях мы будем говорить позже, а пока отметим, что это обстоятельство, без сомнения, добавило сил Геккерену, заставило его пренебречь многими опасностями.

Почему иностранец?

Почему выбор пал на иностранца? Во-первых, потому, что подходящих для этой роли русских, в каких бы они конфликтах ни находились с Пушкиным, в каких бы масонских ложах они ни состояли, каких бы причин для мести поэту у них ни было, в то время в Петербурге не нашлось. Никто из русских не поднял бы руку на национальную гордость России. Это в своих воспоминаниях прекрасно сформулировал В. А. Соллогуб, когда ему случилось готовиться к поединку с поэтом. «Я твердо решился не стрелять в Пушкина, — писал он, — но выдержать его огонь, сколько ему будет угодно». И другое замечание Соллогуба (из его размышлений накануне первой несостоявшейся дуэли Пушкина с Дантесом в ноябре 1836, секундантом которого он должен был быть): «Ночь я, сколько мне помнится, не мог заснуть, понимая, какая на мне лежала ответственность перед всей Россией. Тут уж было не то, что история со мной. Со мной я за Пушкина не боялся. Ни у одного русского рука на него не поднялась».

Русский человек (из молодёжи) из-за озорства, из-за личной неприязни к Пушкину, не имея, конечно, представления о масштабах и целях заговора против поэта, мог прислуживать Геккерену, например, при написании своей рукой дипломов-пасквилей. Недаром подозревали в этом русских лоботрясов И. Гагарина и П. Долгорукова. Подобрать русского масона для исполнения смертного приговора было трудно ещё и потому, что к описываемому времени русское масонство было сильно ослаблено. В 1822 г. Александр I повелел закрыть масонские ложи в России. События же 1825 г. и перемена правительства в том же году повлияли на масонство ещё более, всякая тайная деятельность была категорически запрещена, затем самая «боевая и способная» часть русского общества (декабристы) была сослана в Сибирь.

Убийце-масону из русских, если бы он и сыскался в то время в Петербурге, было бы очень трудно, почти невозможно избежать наказания, а также презрения общества. А жертвовать своим «братом» без нужды обычно не входит в планы масонов.

На русского в этом деле вообще нельзя было положиться вполне, он мог передумать накануне решающего поединка (как Соллогуб, например) или раскаяться за время следствия (так поступили некоторые декабристы) и тем самым подвести или запятнать масонство.

Нет, лучшего исполнителя для осуществления задуманного

против Пушкина, как только иностранца и искать нечего было. «Французу, — писал В. Соллогуб, — русской славы жалеть было нечего». Точно так же, добавим мы, и голландцу. Тем более подходил на эту роль дипломат, риск подвергнуться наказанию, для которого был равен нулю, поскольку дипломатический иммунитет защищал его автоматически. Значительно смягчалось наказание за преступление и родственникам иностранных дипломатов. Вспомним историю дуэли М. Ю. Лермонтова с Барантом, сыном французского посла: со всей строгостью был наказан только русский поэт, тогда как француз отделался лёгким испугом. Точно так же, хотя и приёмный, но всё-таки сын голландского посла за убийство соперника (у Лермонтова с Барантом не было не только убийства, но даже выстрелов) был всего лишь выслан из России, т. е. возвращён на родину.

Иностранец-дипломат подходил для осуществления заговора ещё и потому, что имел возможность посещать великосветские приёмы и вечера. А именно там и можно было чаще всего встретить Пушкина и его жену, изучить их характеры и взаимоотношения, собрать о них необходимую информацию, познакомиться с их окружением, узнать друзей и т. д. Вслед за Геккереном как сын посла получил доступ в высший свет и подручный барона — Дантес.

И последнее. Кому могло придти в голову, что посол иностранного государства занимается таким необычным делом! Даже в наше время, когда иностранные посольства большей частью превратились в шпионские резиденции, сам посол обычно не занимается никакой противозаконной деятельностью в чужой стране.

Преследование Пушкина

Геккерен вступил в игру на заключительном этапе травли Пушкина, когда уже было испробовано несколько обычных для масонов приёмов борьбы с неугодными, но все они были малоэффективными. Карьере Пушкина масоны повредить не могли, потому что он всё равно всю свою жизнь находился на нижних ступенях чиновной лестницы. Они только могли посмеяться над его камер юнкерством (нижним придворным званием), которое никак не соответствовало его зрелым годам (за тридцать) и положению известного поэта. В этом случае чиновники и охранители придворных обычаев были пунктуальны: Пушкин не мог стать камергером (чего он желал взамен камер юнкерства) до тех пор, пока не получил бы чин статского советника. Но для этого титулярному советнику Пушкину необходимо было перешагнуть сразу через три чина.

Помешать распространению сочинений Пушкина масоны и их приспешники (С. С. Уваров. М. А. Дондуков-Корсаков. Ф. Булгарин и др.) пытались неоднократно, но поэт счастливо заручился в 1826 году личной поддержкой самого царя, а потому все усилия его противников постоянно сходили на нет. Разрешение же поэту в 1836 «Современника» вообще снимало эту проблему. Не могли помешать Пушкину и в его изыскательских работах в архивах, вход туда поэту гарантировал тот же император.

Шельмование Пушкина как автора и огульная критика его сочинений были тоже безрезультатны, поскольку гениальность последних сама пробивала себе дорогу сквозь грязь и доносы недругов.

О каком-либо подкупе поэта — приёме столь характерном для масонов — не могло быть в речи, хотя Пушкин всю жизнь испытывал материальные затруднения. Но попытка все-таки была: в 1828 Бенкендорф предложил ему поступить на службу в III отделение. Это же обстоятельство можно расценивать и как попытку масона вступить в контакт с масоном.

Неизвестно, когда, как и чем, масоны пытались влиять на Пушкина с целью привлечь его перо на службу своим идеалам. Можно лишь отметить энергичные попытки князя П. А. Вяземского отговорить своего друга от занимаемой им непримиримой позиции в польском вопросе в 1830–31 гг. И его же критику знаменитых пушкинских стихотворений «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», которые Вяземский называл «шинельными стихами». Но исполнял ли

Вяземский волю масонов или выражал своё собственное мнение, неизвестно.

Был у масонов довольно крупный козырь против Пушкина, и они его пытались использовать неоднократно, но, как увидим, тоже безуспешно. Речь идёт о так называемой политической неблагонадёжности поэта. Причина естественная: в молодости поэт неоднократно высказывался (преимущественно в стихах) в пользу либеральной оппозиции существующему строю, за что и был переведён по службе из Петербурга в южные провинции. Но к 1825 г., он почти навсегда отказался от «вольнолюбивых мотивов» в своём творчестве (и не только творчестве), однако (удивительное обстоятельство!) обвинения в грехах молодости остались и преследовали поэта всю его жизнь и даже после смерти. Кто об этом позаботился? Секрета здесь нет: правительственные чиновники, масонская принадлежность которых не вызывает сомнений.

Уже высылка Пушкина из Одессы в Михайловское вызвала у самого поэта и у его друзей недоумение. Лучше всего это выразил в своём письме А. И. Тургеневу П. А. Вяземский «Кто творец этого бесчеловечного убийства? — писал он. — Или не убийство — заточить пылкого кипучего юношу в деревне русской? Правительство, верно, было обольщено лживыми сплетнями. Да и что такое за наказание за вины, которые не подходят ни под какое право! Неужели в столицах нет людей более виновных Пушкина? Сколько вижу из них обрызганных грязью и кровью! А тут за необдуманное слово, за неосторожный стих предают человека на жертву… Признаюсь, я не иначе смотрю на ссылку Пушкина, как на последний удар, что нанесли ему…»

Нет, этот удар был не последним

Прежде чем продолжать рассказ о преследованиях поэта, обратим внимание на то, кто помогал правительству в этом деле. Первыми в этом списке мы должны назвать… декабристов. Их тактика в отношении Пушкина была последовательной и определённой. В своё время они отказались принять его масона и автора «вольнолюбивых» стихотворении — в своё общество, выразив ему тем самым своё недоверие. Если верить пушкинистам, случилось это оттого, что декабристы, дескать, «берегли» молодой талант. Но это утверждение не выдерживает критики. Во-первых, получается, что заговорщики заранее обрекли своё движение на неудачу. Во-вторых, талантливыми, подающими надежды поэтами были, например, К. Рылеев, В. Раевский и др., однако их, не задумываясь, приняли в общество. В-третьих, в своих показаниях на допросах многие декабристы, как будто сговорившись, в один голос указали на стихотворения Пушкина как на одну из главных причин, побудивших их стать на преступный путь. Коллективный донос на поэта — иначе это не назовёшь, — донос, который свидетельствует не только о недоверии декабристов к Пушкину, но ещё и о чём-то более важном, а именно о попытках скомпрометировать его в главах правительства. Только вмешательство нового императора, приказавшего вычеркнуть из следственных дел все пушкинские строки, избавило его от наказания. Причину такого единодушного недоброжелательства декабристов к Пушкину ещё предстоит выяснить пушкинистам, точно так же, как и неожиданное благорасположение к нему со стороны царя; при решении этой загадки следует помнить, что многие из декабристов были масонами. В этом же 1826-м, когда декабристы давали свои показания, опасность подстерегала Пушкина совсем с другой стороны. Его сосед по имению генерал в отставке П. С. Пущин начал регулярно писать кляузы на поэта. Содержание этих доносов было таково, что не миновать бы Пушкину Сибири. Но правительство, благо, посчитало необходимым проверить наветы Пущина, и в Псковскую губернию был направлен специальный агент тайной полиции А. Бошняк. К счастью для Пушкина и для России все доносы Пущина оказались ложью. П. С. Пущин — это тот самый кишинёвский знакомый поэта, гроссмейстер масонской ложи «Овидия», членом которой состоял и Пушкин. Вынужденный оставить карьеру военную и масонскую, он ушёл в отставку, поселился в своём имении неподалеку от Михайловского и занялся вдруг доносительством.

Вдруг ли? Пушкин всегда в своё время смеялся над Пущиным, но вряд ли это могло послужить достаточным основанием для доносов на своего брата-масона.

Непричастность поэта к декабристскому движению, благоприятный отзыв А. Бошняка о его поведении в Михайловском, освобождение новым царём сначала от подозрений в соучастии в заговоре, а потом от ссылки, казалось бы, положили конец всяким разговорам о политической неблагонадёжности Пушкина. Но нет, неприязнь такого рода на протяжении 1826–37 гг. оставалась. Интересно здесь то, что проявлялась она (назовём её критикой справа) одновременно с обвинениями поэта в измене «вольнолюбивым» идеалам (критика слева), что соответствовало, кстати, действительности.

Нет. Пушкин не попал под обстрел двух разных партий. Это была только видимость. Ведомство, направлявшее «правую» и «левую» критику, было одним и тем же — масонским. Смысл двойной критики был таков: Пушкин не наш, от его либерализма остался лишь звук, остерегайтесь его. Вредить ему можно и нужно чем угодно, вплоть до ложного утверждения об его политической неблагонадежности.

После 1826 г. преследование Пушкина по политическим мотивам взял в свои руки масон Бенкендорф — должность шефа жандармов, руководившего III отделением, к этому обязывала. Его стараниями в 1828 за поэтом, как за опасным рецидивистом, был установлен тайный надзор. Этому событию предшествовали раздутые до громадных размеров истории с пушкинской «Гаврилиадой» (поэма юных лет) и «А. Шенье» (стихотворный набросок, написанный до декабрьских событий), истории, которые вынудили Пушнина объясняться в III отделении. Затем Бенкендорф решил, что поэт должен «спрашивать» у него разрешение на любую поездку по стране, в т. ч. из Петербурга в Москву, в деревню и т. д. Не разрешались ему и поездки в Европу. Да что там Европа! Даже чтение друзьям «Бориса Годунова» Бенкендорф квалифицировал как полный тайного антиправительственного смысла поступок. Булгарин регулярно писал на поэта разного рода кляузы, и Бенкендорф столь же регулярно «принимал меры». (Булгарина следует называть не агентом III отделения, а верным слугой или компаньоном Бенкендорфа). Только вмешательство царя положило конец разнузданной кампании Булгарина и его подручных против Пушкина; авторитет императора являлся причиной того, что претензии Бенкендорфа к поэту ограничивались порой только «отеческим» внушением. Цензура, возглавляемая масоном С. С. Уваровым, со своей стороны преследовала Пушкина и не

хотела считаться с тем, что сам царь объявил себя цензором его произведений. Бенкендорф, конечно, целиком солидаризировался о Уваровым. В 1836 он изобразил желание поэта уйти в отставку каким-то полным скрытых намёков политическим шагом. Естественный порыв жителей Петербурга проститься с умершим поэтом Бенкендорф расценил как бунт, главой которого был всё тот же Пушкин, хотя бы и мёртвый.

В письме Жуковского Бенкендорфу от февраля-марта 1837 дана яркая картина фальши в отношениях последнего к Пушкину. К сожалению, это письмо находится не в чести у советских пушкинистов.

Интересно, что, преследуя Пушкина и подозревая его во всех смертных грехах, Бенкендорф в то же время ни разу не заинтересовался (а должность его к этому обязывала) деятельностью в стране тайных масонских лож, которые, несмотря на запрет 1822 г., продолжали свои «работы» даже в годы так называемой николаевской реакции.

Нет, установка на политическую неблагонадёжность не оправдала себя. Самое большее, чего она достигла, это несколько вспышек «необузданной» натуры поэта. И главным препятствием на этом долженствующем компрометировать его пути был… царь. Он неизменно становился на сторону Пушкина. О бессилии врагов поэта красноречиво сказал Д. Благой. «Как обезвредить дерзкого сочинителя? — писал он, — сломить его дух, согнуть ему плечо и гордую совесть, перестроить непреклонную лиру они не могли. Царь… ему покровительствовал… Опасность, что царь не только услышит, но может и прислушаться к голосу поэта… существовала» (Д. Благой Душа в заветной лире. М. 1971, с.455).

Надо было менять тактику, тем более что арсенал масонских приёмов не был ещё исчерпан. Более того, мера пресечения к Пушкину должна была теперь быть другой, более жёсткой, поскольку поэт с каждым годом набирал силу и всё дальше расходился с идеалами масонства. На этом ответственном этапе и вступил в игру Геккерен: ему предстояло нанести решающий удар.

Форма мести

Прямое и неприкрытое убийство не в правилах масонов, этих «гуманнейших» представителей человечества, для них обычным является устройство смертей «естественных». Место для удара всегда выбирается искусно. Используется та или иная слабость человека, то есть то «узкое» место, которое легче и естественнее разорвать.

Постепенно выяснилось, что таким местом у Пушкина является его семья честь, которой была для него святыней. В поклонниках красоты Н. Н. Пушкиной недостатка не было. Поэт сам любовался молодой женой и радовался её успехам в свете, но когда границы приличия в отношении Натали, по его мнению, преступались или (что было чаще) когда создавалась видимость этого, он резко реагировал и не позволял, кому бы то ни было бесцеремонно вторгаться в их семейную жизнь. Своеобразным «нащупыванием» слабого места явились надуманные и раздутые великосветским обществом якобы имевшие место любовные истории Натальи Николаевны с С. С. Хлюстиным, Н, Г. Репниным и В. А. Соллогубом. Пушкин резко реагировал на эти сплетни. Об этом свидетельствуют его письма соответственно от 4, 5 и 11-го февраля, 1836 г. В этих письмах Пушкин требовал от обидчиков объяснений. Вскоре, конечно, выяснилось, что никакого оскорбления эти молодые люди Пушкиной не наносили, а имели место лишь наговоры каких-то недругов поэта. Но Пушкин показал своё лицо. Геккерен, который, возможно, приложил руку к провоцированию упомянутых «любовных» историй, нацелил на это «слабое» место поэта своё главное орудие — Дантеса. Задача перед Геккереном стояла сложная, но он смело взялся за её решение. Вот некоторые аспекты его «работы».

Усыновление без усыновления

Первым необходимым условием для успешного осуществления плана являлось обеспечение беспрепятственной и, по возможности, безопасной деятельности Дантеса. Этот вопрос Геккерен решил за счёт его усыновления (при живом и состоятельном отце), в результате которого Дантес, во-первых, получал возможность посещать самое высшее столичное общество и, во-вторых, как сын иностранного посла, частично приобретал иммунитет от грядущего наказания. Это необычное событие в жизни двух иностранцев на протяжении 150 лет истолковывалось — с лёгкой руки Геккерена — как естественное.

О ложности и подозрительности этого поступка догадывались современники. В августе 1837 г. А. И. Тургенев писал из-за границы П. А. Вяземскому: «Я узнал и о его (Дантеса) происхождении, об отце и семействе его: всё ложь, что он о себе рассказывает, и что мы о нём слыхали. Его отец — богатый помещик в Эльзасе — жив и, кроме него, имеет шестерых детей. Каждому достанется после него 200 тыс. франков».

Таким образом, ложь была главным орудием заговорщиков. К сожалению, стражи и письма Тургенева не превратились в первый камень фундамента, основываясь на котором можно было начать разоблачение гнусного замысла Геккерена. Это случилось только к столетию со дня смерти поэта во Франции, когда в 1937 в «Обзоре по славянским вопросам» /1937, № 17/ появилась статья голландских учёных «Два Геккерена». Она содержала копии документов и выдержки из документов, хранившихся целых сто лет в госархивах Голландии. Из них стало ясно, что юридического усыновления Геккереном Дантеса вовсе не существовало, что оно не соответствовало законодательному Гражданскому Кодексу Нидерландов, который, во-первых, требовал, чтобы усыновляющему было не менее 50 лет (посланнику было 44 года), и, во-вторых, чтобы до факта усыновления Геккерен оказывал Дантесу материальную помощь в течение 6 лет (они были знакомы всего два года). Нарушение закона заключалось ещё и в том, что для получения прав обоим Геккеренам при подаче ходатайства надлежало явиться к королю Голландии и сообщить о службе Дантеса в русской армии, но они ничего этого не сделали. «Усыновление» и в Голландии, и в России было «узаконено» со слов посланника и проведено в жизнь группой дворцовых сановников, членов масонских лож, русских и зарубежных. 5 мая 1836 был издан указ короля Нидерландов о праве Дантеса получить фамилию, герб и титул Геккеренов. Этот

указ входил в силу через год, т. е. 5 мая 1837 и предусматривал необходимость опубликование его в официальном Вестнике Нидерландов. К тому времени, как говорится, Геккеренов в России и след простыл. В архивах русского министерства иностранных дел сохранились документы /за № 2 и № 166 от 1836 г./ об усыновлении голландским посланником поручика Дантеса. Дело было обстряпано моментально и нигде не задерживалось, ибо продвигалось сверху масонскими заправилами. Бенкендорф присутствовал на приёме царём Геккерена, сообщившего об усыновлении, и без проверки подлинности королевского указа нашим послом в Голландии Чарыковым отдал немедленное распоряжение правительствующему сенату и отдельному гвардейскому корпусу о перемене фамилии Дантеса. Годичный срок о вхождении указа в силу во внимание принят не был (в России закон предусматривал тот же срок), ибо подлежал обжалованию со стороны родственников двух сторон. Русские законы предусматривали, кроме того, чтобы оба «родственника» явились к судье по месту жительства, но они, конечно, и этого не сделали. Всё шло как по маслу; сановный Петербург заговорил об усыновлении Дантеса, позиции которого сильно укрепились вновь занятым положением.

Исследование голландских учёных знакомит нас с тем, как после дуэли возникла двухгодичная переписка подведомственных королю учреждений, знакомит с замешательством и разноголосицей в Гааге, вследствие незаконных действий Геккеренов. МИД Голландии и Высший Совет Дворянства аннулировали политические права Дантеса на голландское подданство и дворянство.

Таким образом, «усыновление» — это преднамеренный обход законов и хорошо рассчитанная игра чиновников-масонов Петербурга и Гааги. Это хитрость, которая скрывала действительные взаимоотношения Геккерена с Дантесом, скрывала задачи и происки масонов.

Игра Геккерену удалась, в результате чего, обманув общество и даже самого царя, Дантес, если можно так выразиться, незаконно присутствовал почти год в самом высшем свете и делал своё грязное дело, а затем незаконно использовал своего «отца», а точнее его статус посла, чтобы избежать наказания.

Доверчивая, любопытная, охочая до сенсации русская публика (в том числе одно время и Пушкин) думала, обсуждая внезапное сближение голландца и француза, что Дантес незаконнорожденный сын посла, что он сын его сестры и короля Голландии, что они оба гомосексуалисты, что Геккерен — самый любвеобильный человек в мире, поскольку ни за что ни про что

отказал французу дворянство и наследство. Два злоумышленника слушали эти домыслы и усмехались: никто не проник в их планы и не назвал истинной причины «усыновления».

«Любовь» Дантеса

Следующей задачей Геккерена было попытаться увлечь в адскую игру жену поэта, а если это не удастся вполне, то дополнить мнимую картину «измены» Натальи Николаевны всевозможными сплетнями. Дантес начал повсюду преследовать молодую красавицу, а Геккерен распускал в свете различные слухи в зависимости от того, с кем он имел дело, говоря в одном случае, что это «любовь» взаимная, а в другом — что его «сын» ни в чём не виноват, и только чрезмерная ревность Пушкина является причиной всем этим подозрениям и слухам.

В начале 1836 г., когда голландский посол находился в продолжительном (более года) отпуске, у Дантеса возникли осложнения. Ухаживая за Натальей Николаевной, он влюбился (или ему так показалось) в Идалию Полетику, тоже замужнюю женщину, которая, в отличие от жены Пушкина, отвечала ему взаимностью. Увлечение Дантеса можно понять — он тоже человек. Но Геккерена — наставника и работодателя — в это время в Петербурге не было, а потому Дантес обращается к нему с письменной просьбой разрешить ему эту незапланированную связь. На первый взгляд странно: здоровый, самостоятельный мужчина спрашивает у чужого человека разрешение на любовь. Но Дантес должен был выполнять поручение «отца» и не отвлекаться по сторонам, а тем более не компрометировать себя возможным скандалом с мужем Полетики (командиром Дантеса). В письмах Дантес утешает «папашу», что связь его тайная, что о ней никто не узнает и т. п. Неизвестно, что ответил Геккерен «сыну» из Парижа, но известно, что по возвращении его в Петербург преследования Натальи Николаевны возобновились с новой силой. Идалию Полетику они используют теперь в своих целях: якобы у неё на квартире происходят встречи Дантеса с Натали. Тем самым, прикрываясь Пушкиной, как щитом, француз удовлетворял свою страсть к Идалии.

Обо всём этом стало известно в 1980 году из сообщения С. Ласкиной. До этого времени (письма Дантеса впервые были опубликованы в 1946 г.) считалось, что в письмах француза идёт речь о его любви к Наталье Николаевне, а не к Идалии. Таким образом, более тридцати лет следствие шло по ложному следу. Справедливость вывода Ласкиной получает своё подтверждение в «записках А. О. Смирновой», опубликованных ещё в 1895 г. На страницах этой книги как раз рассказывается история любви Дантеса к Идалии и о том, как они использовали Н. Пушкину для прикрытия этой связи.

Анонимные письма

Когда молва о «связях» Дантеса с Н. Н. Пушкиной достигла требуемой концентрации (правда, поэт, вопреки ожиданиям, никак на неё не реагировал), Геккерен пустил в ход тяжёлую артиллерию, разослав 4 ноября 1836 г. по Петербургу дипломы (пасквили) в конвертах, запечатанных сургучными печатями с изображёнными на них масонскими символами, которые «узаконивали» эту связь (измену жены), одновременно зачисляя Пушкина в Орден (союз) рогоносцев. О Дантесе, конечно, в дипломе не было ни слова, но зато был намёк на самого царя, как на соперника поэта. Таким образом Пушкин должен был, по мысли Геккерена, думать сразу о двух врагах: о Дантесе, намерения которого на счёт Натальи Николаевны были вполне определёнными и известными всему обществу, и о Николае Павловиче, «причастность» которого к любовным связям с женой поэта «удостоверял» диплом. Справиться с этими соперниками, думал посол, Пушкину будет нелегко, поскольку в первом случае он должен был вступить в борьбу с мнением света, которое раздуло недоказуемую связь Дантеса с Н. Н. Пушкиной до огромных размеров (о том, что никакой связи не было, откровенно рассказывала мужу жена), а во втором — с императором, что не предвещало поэту ничего хорошего. Компрометация русского поэта была, казалось, неминуемой.

Но афера Геккерена выглядела бы неправдоподобной, а его способности интригана сверхгениальными, если бы эта история прошла гладко. Получив письма, Пушкин, во-первых, не придал никакого значения намёкам на Николая Павловича. А, во-вторых, — и это главное — сразу догадался, от кого, они исходят, какую цель преследуют, и незамедлительно (5 ноября) послал вызов Дантесу. (Посла иностранного государства он не мог вызвать на дуэль, возможно, и это обстоятельство учитывалось масонами при выборе исполнителя приговора.) Такого стремительного развития событий Геккерен не ожидал. Было очевидно, что хотя Пушкин и подтвердил ещё раз свой горячий и бескомпромиссный характер и тем самым оправдал выбор Геккереном слабого места в натуре поэта, но противником для заговорщиков он оказался непростым. К дуэли (а дуэль для Геккерена означала убийство поэта, т. е. игру в одни ворота) чуть ли не в день рассылки оскорбительных дипломов ни Геккерен, ни его подопечный не были готовы ни морально, ни физически (их целью было растравить поэта как можно больше). Дантес вообще находился в эти дни в казарме на дежурстве. Тем более дуэль

становилась невозможной в последующие после 5 ноября дни, когда о вызове Пушкина узнавали всё новые и новые люди (впрочем, довольно было, чтобы об этом узнал один человек — Жуковский, и дуэль не состоялась бы).

С каждым днём (и даже часом) становилось всё более ясно, что грязное дело, задуманное против русского поэта, оборачивалось позором для Геккерена и его подручных. В обществе стало возобладать мнение, что поступок Пушкина в защиту чести своей жены справедлив, что его жена оставалась, верна своему долгу, что из геккеренского гнезда исходят анонимные письма, сплетни, слухи, порочащие поэта и его жену, там же получают наставления и инструкции Дантес и т. д. Было невероятно, но это становилось очевидным, что подмётные письма составил и разослал не какой-нибудь офицеришка или великосветский лоботряс, но посол иностранного государства. Позор грозил покрыть уже немолодую голову Геккерена. И виной всему был Пушкин.

Женитьба

Надо было срочно искать выход. Оправдания перед В. Жуковским, Е. И. Загряжской и самим Пушкиным, просьбы «не портить карьеру» Дантесу были неубедительны. Но к 7 ноября выход был найден. Геккерен объявил, что его «сын» любил и любит сестру Натальи Николаевны Екатерину, а всё остальное домыслы и наговоры. Выбор Геккерена был не случаен. Девушка, по свидетельству современников, «была влюблена в Дантеса до безумия». Во всяком случае, когда была поставлена в известность о планах заговорщиков Е. И. Загряжская (тётка Екатерины, заменявшая девушке мать), то вопрос о свадьбе можно было считать решённым. Немаловажным аргументом в этом вопросе явилась сплетня (сплетня это или факт — об этом всё ещё спорят пушкинисты) Геккерена о связях между Дантесом и Екатериной Николаевной, бывшей задолго до помолвки. «Та, которая так долго играла роль сводни, — писал А. Н. Карамзин, имея в виду под сводничеством то обстоятельство, что Екатерина не могла одна выезжать в свет и чтобы почаще видеть Дантеса, просила Наталью Николаевну сопровождать её, — стала в свою очередь любовницей, а затем и супругой».

Никто из современников не поверил «чувствам» Дантеса: одни недоумевали, другие смеялись, третьи шептались, четвёртые считали Геккеренов «несчастными», попавшими в нелепое положение, пятые выпячивали наружу, с одной стороны, благородные чувства интриганов («они поступили, как рыцари»), а с другой «безумные» подозрения Пушкина. Предстоящий брак называли «странным», «подозрительным», «недоразумением», «необъяснимым», «непостижимым». Воздух от этого брака должен был «содрогнуться», вид Дантеса перед свадьбой был совсем «не влюбленным», само «непорочное одеяние невесты казалось обманом».

Не верят искренности поступка Геккерена и пушкинисты — уж очень всё было шито белыми нитками. В самом смешном положении оказался, конечно, Дантес, который должен был вступить в невыгодный для себя брак (Екатерина Николаевна была старше его годами, некрасива, почти без приданого и наследства). Казалось, что Пушкин поразил соперника без дуэли. «Я заставил вашего сына, — писал он Геккерену по поводу женитьбы француза, — играть столь потешную и жалкую роль, что жена моя, удивлённая такою трусостью и низостью, не могла удержаться от смеха; душевное движение, которое в ней, может быть, вызвала эта сильная и возвышенная страсть, погасло в

самом спокойном презрении и в отвращении самозаслуженном…»

Недостатка в суждениях и выводах после объявленного сватовства Дантеса не было, но сам Геккерен (пружина заговора) мог с удовлетворением констатировать в те дни (потирает он руки на том свете и до сих пор): никто не понял истинной причины внезапной женитьбы его «сына», никто не увидел грядущих преимуществ, вытекающих из нового положения Дантеса как члена семьи Гончаровых. А чем больше было разговоров, чем больше выдвигалось версий, «объясняющих» эту загадочную историю, тем безопасней чувствовал себя интриган.

И опять повторилась знакомая ситуация — никто не поверил в искренность поступков Геккеренов и в то же время никто в течение 150 лет не задался всерьёз вопросом: а в чем же, всё-таки, истинная причина этого нелепого поступка? Теперь, когда следствие по делу об убийстве Пушкина возвращается с ложного пути на истинный, необходимо окончательно решить этот вопрос. Да, скоропалительное сватовство было вынужденным, но причиной тому были только решительные шаги Пушкина. Никто, даже сам Бог, не заставил бы злоумышленников совершить этот безумные поступок, если бы дело было только в настойчивости русского поэта. На брак с Е. Н. Гончаровой они решились в рамках того же адского плана уничтожения Пушкина. Как и история с «усыновлением», женитьба, хотя и состоялась формально, была подлым обманом, в первую очередь, русской девушки Гончаровой, а также семьи Пушкина, семьи Гончаровых, и всего столичного общества. И «невеста» намеренно была выбрана не где-то ещё (в Петербурге было много незамужних — богатых и бедных), а именно в непосредственной близости от семьи поэта. Ближайшее будущее показало, что «нет, худа без добра» и новые позиции Дантеса значительно облегчили ему и его «отцу» проведение в жизнь коварного плана. Поведение Дантеса после свадьбы, вспоминал позднее Н. М. Смирнов, «дало всем право думать, что он точно искал в браке не только возможность приблизиться к Пушкиной но также предохранить себя от гнева её мужа узами родства».

Пушкин против Геккерена

Общество было усыплено «благородным» поступком Дантеса и сознанием их Геккеренов — «невиновности». Поражением наглого француза был доволен и Пушкин. Но в отличие от других, он не был усыплен женитьбой Дантеса (о чём писали многие пушкинисты, тем самым, уводя в сторону объективное следствие), его месть врагам была удовлетворена лишь частично, он — к чести великого русского поэта и человека — продолжал разоблачение гнусной игры Геккерена, несмотря на уговоры Жуковского и советы друзей. Недаром Пушкин назвал брак Дантеса с Е. Н. Гончаровой (согласно словам саксонского посла Люцероде) «делом змеиной, способной на происки, хитрости двух негодяев». Теперь целью Пушкина было поразить «отца», т. е. нанести удар по центральной фигуре заговора.

21 ноября он отправил письмо царю, в котором объяснил ситуацию, не скрывая, конечно, главного, — чем занимался в Петербурге посол Голландии. Для следователя-пушкиниста будет небезынтересно узнать, что это письмо явилось одной из причин столь долгого блуждания следствия по ложному пути. А случилось это оттого, что одна из фраз этого французского письма была переведена на русский язык неверно. Речь идёт о словах: «Тем временем я убедился, что анонимное письмо исходило от г-на Геккерена, о чём считаю своим долгом довести до сведения правительства и общества». Более тщательный перевод говорит о большей осведомлённости поэта в ситуации, сложившейся в Петербурге в 1863 г. в придворных кругах Петербурга.

Фраза эта должна быть переведена: «… я убедился, что это анонимное письмо от г-на Геккерена и считаю необходимым предостеречь правительство и общество». Употреблённый Пушкиным глагол имеет основным значением предупреждение и переводится «предупредить», «предостеречь от опасности». Самый Факт обращения Пушкина к царю после анонимных писем, смысл и характер письма потребовали иного перевода этой фразы. Канцелярских оборотов «письмо исходило» и «довести до сведения»' поэт не применял, письмо его вызвано чувством гражданского долга, обеспокоенностью тёмной деятельностью иностранного посла, желанием сообщить правительству о цели, которая скрывалась за странным поведением голландца, — ведь в анонимных письмах делались недвусмысленные намёки на Николая Павловича. Заговор Геккерена, как бы говорил Пушкин, направлен, по крайней мере, против двух самых известных в

России людей. Абсурдно было бы предполагать, как это делают некоторые пушкинисты, что письмо Пушкина к царю было лишь просьбой о защите его семьи от преследований Геккерена. За себя поэт мог постоять (и постоял!) и сам.

Теперь известно (из камер-Фурьерского журнала), что после этого письма Николай I дал Пушкину 23 ноября аудиенцию. Что поэт сообщил лично императору, неизвестно; известно лишь, что Николай I взял с Пушкина слово, что при повторении конфликта с Геккереном он непременно сообщит об этом ему — Государю. Печально не только то, что поэт не сдержал слова (почему он этого не сделал, ещё предстоит выяснить), неприятно ещё и то, что при разговоре Пушкина с царём присутствовал масон Бенкендорф, и он должен был намотать себе на ус все нелестные эпитеты, сказанные поэтом в адрес его друзей-масонов.

О том, что Пушкин не просил защиты у царя, а имел цель значительно большую, свидетельствуют заключительные строки его не отправленного письма Геккерену от 17–21 ноября. «Дуэли мне теперь недостаточно, — писал он. — И каков бы ни был её исход, я не сочту себя достаточно отомщённым ни смертью вашего сына, ни его женитьбой, которая совсем походила бы на веселый фарс (что, впрочем, меня весьма мало смущает), ни, наконец, письмом, которое я имею честь писать вам и которого копию сохраняю для личного употребления. Я хочу, чтобы вы дали себе труд и сами нашли основания, которые были бы достаточны для того, чтобы побудить меня плюнуть вам в лицо и чтобы уничтожить самый след этого жалкого дела, из которого мне легко будет сделать отличную главу в моей истории рогоносцев». В те же дни Пушкин сказал В. А. Соллогубу: «С сыном уже покончено… Вы мне теперь старичка подавайте», вот как широк был план Пушкина, и какую жалкую роль должен был играть во всём этом Геккерен.

Но поэту не дали возможности действовать, его успокоили, обнадёжили (царь, Жуковский и др., а также состоявшаяся 10 января 1837 г. свадьба Дантеса, в которую поэт не верил до последней минуты.). «Вы биты по всем пунктам», — писал поэт Геккерену в ноябре 1836 г. К сожалению, это всё было только на бумаге, тогда как в жизни жалкую и потешную роль играл только Дантес, но не Геккерен, он не сказал ещё своего последнего слова. Более того, если голландский посол точил нож на Пушкина и раньше, то теперь, после того, как поэт принудил Дантеса к скоропалительной и неприятной женитьбе, а на Геккерена «нажаловался» царю, он должен был возненавидеть его ещё больше и продолжить своё грязное дело с удвоенной энергией. Разоблаченный им, он теперь совсем не боялся, у него было

надёжное алиби: мой «сын», дескать, женат, и все претензии Пушкина к его поведению и поступкам это просто безумие африканской обезьяны.

Расправа

Всего 15 дней(!) понадобилось Геккерену, чтобы покончить с этим делом: преследования Дантесом Натальи Николаевны возобновились тут же после свадьбы с Е. Н. Гончаровой; одновременно «отец» распустил очередную порцию анонимных писем и сплетен (о «домогательствах» Натальи Николаевны, о «рыцарстве» Дантеса, о «грехе» Екатерины Николаевны, о «связи» Пушкина с Александрой Николаевной и т. п.) и уже 25 января Пушкин послал оскорбительное письмо голландскому послу. Заметим, не Дантесу, а главному деятелю этой подлой игры. Мешкать далее и ждать другого удобного случая было нельзя, удача сама шла в руки заговорщиков. Оставалось только подготовить Дантеса к поединку. Да, роль этого человека была незавидной. Вслед за женитьбой, свалившейся на него, как снег на голову, его теперь, возможно, ожидает смерть, поскольку было ясно, что Пушкин ни на какое примирение не пойдёт. Вот чем оборачивалось приобретение второго «отца»! Трудно проникнуть в душу француза и сказать, были ли каким-нибудь утешением для него уже полученные блага (баронское достоинство, герб Геккерена, деньги, место офицера в гвардейском полку, доступ в самый высший свет) и обещание будущих наград от масонов (например, получение наследства от Геккерена) за жертвы, которые он должен был принести. Женитьбу на нелюбимой девушке можно было ещё как-то «поправить» в будущем, но, как и чем поправить смерть? Слабым утешением для него служили слова Геккерена о том, что «сын» должен, дескать, «постоять» за «оскорблённого отца», которые сам по положению своему не мог стреляться. Много позже Дантес говорил В. Д. Давыдову в Париже, что он «и помышления не имел погубить Пушкина», а «вышел на поединок единственно по требованию Геккерена, кровно оскорблённого Пушкиным».

Дантес нуждался, прежде всего, в моральной подготовке: надо было готовиться ко всему, — ведь заставил же его Пушкин венчаться всего полмесяца назад, а во-вторых, к непосредственной (физического свойства) защите от пули русского поэта. Смерть, конечно же, никак не входила ни в планы самого француза, ни в холодные расчеты Геккерена (иначе думать и нельзя, если исследователь знаком хоть немного с приёмами и методами масонов в подобных случаях). Но как обезопасить Дантеса? Только обманным путём, только с помощью подлости, — других способов у голландца не было.

О том, как решил этот сложный вопрос Геккерен (а он должен

был решать его, во что бы то ни стало), высказал свое мнение в статье «Поединок или убийство?» врач и судебный эксперт В. Сафронов. Автор указывает на три обстоятельства, свидетельствующие, по его мнению, о преднамеренном убийстве Пушкина. Во-первых, пишет Сафронов, пистолеты Пушкина были куплены перед дуэлью, в то время, как пистолеты Дантеса были взяты Аршиаком у французского посла Баранта, они уже были пристреляны. А это было не только нарушением дуэльного кодекса, но и преступлением. Во-вторых, Сафронов установил, что соперники стрелялись не из гладкоствольных пистолетов с кремнёвым замком, как считалось ранее, но из пистолетов с нарезными стволами, обладавшими большей убойной силой. И, в-третьих, Сафронов задаётся вопросом: почему же Дантес после выстрела в него Пушкина — замечательного стрелка — оказался лишь контужен?

Геккерен и его единомышленник прусский посол Либерман (кстати, единственный из иностранных послов не присутствовавший на отпевании Пушкина) выдвинули версию о мундирной пуговице, якобы спасшей Дантеса. Сафронов установил, что на месте предполагаемого ранения на мундире Дантеса пуговиц не было. Да и сами адвокаты поручика вскоре переменили версию — оказывается, Дантеса спасла пуговица от подтяжек под мундиром. И здесь Сафронов высказывает сомнение — могла ли маленькая пуговица не позволить пуле пистолета большой убойной силы поразить Дантеса? Сафронов приходит к. выводу: есть основание считать, что под мундиром Дантеса находились металлические пластины — они-то и отразили пулю Пушкина, при этом, как известно, Дантес упал — такой мощи был выстрел!

«Под угрозой гибели на месте поединка такой бесчестный человек, как Дантес (и его „отец“ — *Н. Б.*) мог пойти на любую подлость. Тем более, что дело имел с такими доверчивыми людьми как Пушкин и Данзас, которым и в голову не могла придти мысль об ухищрениях противника», — так писал Сафронов. Автор указывал также на удивительное спокойствие не отличавшегося особой смелостью Дантеса, несколько секунд ожидавшего выстрела Пушкина, и на отсутствие врача на месте поединка.

Версия Геккерена

Пушкина больше не было. Самое опасное было позади. Гнев и немилость царя, определение военно-полевого суда, прозрение общества — всё это уже мало волновало «отца» и «сына». Они спокойно (Дантес, правда, до границы в сопровождении жандарма) покидали Россию. Но Геккерену до отъезда надо было ещё обстряпать кое-какие, для него, впрочем, довольно важные, дела. Надо было ещё больше запутать следы. Он быстро справился и с этой задачей, благо помощников (из числа недругов Пушкина) у него было довольно. У масонов и на этот случай была давно оправдавшая себя тактика. Дело обыгрывалось так, что, в конце концов, по словам А. Ахматовой, на поверхность всплывали два взаимно уничтожающие друг друга документа или факта, и дело затемнялось до неузнаваемости. Так произошло и после убийства Пушкина. Всплыло, правда не два, а несколько документов (а еще больше слухов и домыслов), в которых вина за случившееся возлагалась попеременно на самого поэта, на его жену и на Александру Николаевну Гончарову, авторами же подметных писем поочередно назывались то князья Гагарин и Долгоруков, то графиня Нессельроде, то граф Уваров. Оставлялось место и для намёков на участие в этом деле Николая I и III отделения. И самое примечательное и необъяснимое во всём этом то обстоятельство, что, как сказал или как завещал Геккерен, так и вышло: на протяжении 150 лет все, кто когда-либо писал о дуэли и смерти Пушкина, неизменно, как заворожённые, шли на поводу у версий, оставленных будущим пушкинистам голландским послом.

Печально, очень печально, но следствие неминуемо возвращается на истинный путь, и теперь уже не следует бояться нарушить заповеди масона Геккерена.

Советские пушкинисты И. Ободовская и М. Дементьев прошли первый, хотя и самый трудный, но зато и самый почётный отрезок на этом пути, окончательно реабилитировав от наветов Геккерена и его верных учеников (в их числе старательней других выглядели такие советские авторы, как П. Гоголев В. Вересаев М. Цветаева и А. Ахматова), жену поэта и её сестру Александру. Про Наталью Николаевну, например, Д. Благой после знакомства с работой И. Ободовской и М. Деменьтъева сказал: «Никто не должен, не смеет не только бросить, но и поднять на неё камень». Настоящего автора дипломов указал нам Пушкин. Дальнейшие исследования, в том числе настоящие заметки, должны показать, на кого должен быть

поднят, а затем брошен камень.

Помощники голландского посла

Кто из русских масонов оказывал прямую или косвенную помощь Геккерену? Это были: Бенкендорф, — начальник III отделения, член ложи «Соединённых друзей» с 1810 года, имел 3-ю степень посвящения.

Л. В. Дубельт, заместитель Бенкендорфа, до 1819 член ложи «Палестины» с 1819 — член-основатель ложи «Соединённых славян», где был вторым наблюдателем, а с 1820–21 гг. — помощник мастера и делегат при Великой ложе «Астрея», член зарубежных лож «Золотого Кольца» / Белосток/ и «Эммануила» / Гамбург/.

Н. Ф. Арендт, лейб-медик, хирург, член-основатель ложи «Святого Георгия Победоносца» во Франции, в русских оккупационных войсках /г. Мабёж/.

С. С. Уваров, министр просвещение член ложи «Полярной звезды».

М. А. Дондуков-Корсаков («князь Дундук»), председатель цензурного комитета, член ложи «Избранного Михаила».

М. Ю. Виельгорский (самый крупный русский масон того времени), до 1821 года 1-й Великий наместный мастер Великой провинциальной ложи, супер-префект капитула «Феникс», после 1821 г. Великий мастер Великой провинциальной ложи и префект капитула «Феникс».

В. Ф. Адлерберг, министр двора, член ложи «Александра к военной верности».

Г. А. Строганов (двоюродный дядя Н. Н. Пушкиной, сын крупного масона XVIII века А. С. Строганова), и К. Н. Бессельроде (министр внутренних дел) их масонство формально не установлено, но они, по логике вещей, должны быть масонами, поскольку Гекерен советовался с ними в самые ответственные моменты проведения операции по уничтожению Пушкина.

Доля участия этих (и других) масонов в истории с Пушкиным полностью ещё не установлена. Выяснить это — долг современных исследователей. Мы ограничимся лишь несколькими словами, характеризующими «работу» хирурга Арендта. О подозрениях на врачей, якобы не пожелавших спасти, Пушкина, уже упоминали современники описываемых событий. Так, например Станислав Моравский вспоминал, что «хотели даже броситься на хирургов, которые лечили Пушкина, доказывая, что тут был заговор и предательство, что ранил его иностранец и иностранцами же пользовались для лечения поэта». Так ли это? Безусловно, этот вопрос требует тщательного

изучения в рамках того же решительного поворота следствия с ложного пути на истинный.

«Работа» и роль самого известного в то время хирурга Арендта, в частности, свелась к минимуму, которого, впрочем, было достаточно, чтобы раненый не встал. Приехал к Пушкину, лейб-медик и безапелляционно заявил, что рана смертельная, а потому всякое лечение бесполезно. Окружавшие столичное «светило» молодые врача (двое из них были акушерами) не посмели противоречить. Все опустили руки. В смертельном исходе Арендт заверил и самого поэта, тем самым, отняв у него даже самую малую надежду, которая, если б она была, может быть, дала раненому немного сил и веры, столь необходимой в таких случаях.

Впрочем, хирург (о хирургическом вмешательстве не было даже речи) был вынужден по настоянию других врачей применить к больному и лечение.

О т. н. «методах» лечения Арендта красноречиво сказал врач и пушкинист В. В. Вернесаев. «Пушкин был ранен в живот. Пуля раздробила ему крестец. в брюшной полости осколки кости давили на кишечник. В таких случаях первое требование лечения — дать кишечнику полный покой, остановить движение его опиумом, Между тем по совершенно непонятной причине лейб-хирург Арендт назначил больному клизму. Последствия получились, ужасные. Глаза Пушкина стали дикими и, казалось, готовы были выкатиться из орбит, лицо покрылось холодным потом, руки похолодели…».

Арендт, как и сам Геккерен, по сей день, ограждён от критики (мы уже не говорим об обвинении в том, что он «залечил» Пушкина) каким-то невидимым щитом, разбить который никто не решается. Подтверждением тому служат публикации последних лет, в которых апологетами хирурга выступили Б. М. Шубин и правнук лейб-медика А. А. Арендт.

События после 1837 года

История убийства Пушкина отнюдь не кончается 1837 годом. Как и подобает убийству века, оно повлекло за собой другие не менее загадочные смерти (как тут не вспомнить цепочку убийств, последовавших за расправой над президентом США Д. Кеннеди!).

В 40-х годах (точно дата не установлена) на охоте «от случайного выстрела» погиб секундант Дантеса бывший секретарь французского посольства в Петербурге д'Аршиак. Об этом сообщает В. А. Соллогуб. П. А. Вяземский говорил о французе, что это человек «учтивый и благородный», что он не был близок с Дантесом, будучи человеком, довольно серьёзным. Хорошо знакомый с ним граф В. А. Соллогуб писал, что «д'Аршиак был необыкновенно симпатичной личностью». Накануне дуэли, по словам Соллогуба, д'Аршиак всю ночь не спал и говорил, что «хотя он и не русский, но очень понимает, какое значение имеет Пушкин для России и для русских». А. О. Смирнова записала отзыв д'Аршиака о Пушкине: «Это был великий характер. Я не знаю русского языка, не читал ни строки из его сочинений, я только находил его остроумным и прекрасно воспитанным… Де-Барант (франц. посол — *Н. Б.*) сказал мне, — продолжал д'Аршиак, — что в России, кроме императора, никто не интересовал и не поразил его в такой степени, как Пушкин». После дуэли д'Аршиак сказал Н. М. Смирнову: «Я исполнил свой долг, я скрыл это от моего начальника. Меня огорчает, что я замешан в эту катастрофу, потому что я глубоко уважал Пушкина. Де-Барант… в отчаянии… Я понял, что мне следует оставить свой пост, не дожидаясь, пока меня отзовут… сожалею, что мне пришлось покинуть страну, в которой меня приняли так радушно и где моё имя останется причастным к национальному трауру…».

Из письма Е. А. Карамзиной к сыну Андрею узнаём, что «после истории о Пушкиным д'Аршиака заставали уехать, отослали в Париж в качестве курьера».

Из этих строк можно понять, что хотя отъезд д'Аршиака и был вроде бы естественным, всё-таки он был неприятен и нежелателен для него, и события пошли скорее, чем можно было предполагать. После отъезда он более не вернулся в Россию.

Судя по характеристике, данной д'Аршиаку людьми, знавшими его, этот человек никак не вписывался в компанию подлецов и убийц, каковыми были Геккерены. Но поскольку он оказался доверенным лицом этих людей и постоянно вращался в кругу иностранцев, то он и знал намного больше любого русского. И его внезапная смерть вскоре после приезда во

Францию наталкивает на мысль: заговорщики убрали свидетеля кровавых событий в Петербурге.

Следующей жертвой стала Е. Н. Гончарова. В те ноябрьские дни 1836 года 27-летняя девушка бездумно доверилась двум бандитам, но именно тогда ей был подписан смертный приговор, приведение, в исполнение которого несчастная женщина ждала терпеливо и покорно шесть лет до 1843 г.

То, что Екатерина (Катрин — по западному образцу) была тягостным и ненужным балластом для международных авантюристов, — несомненно. Избавление от неё было делом времени. Как всегда лицемерными были слова Геккерена (из письма Нессельроде) после свадьбы «сына» о том, что Дантес браком, дескать, «закабалил себя на всю жизнь». Только приличие (а оно всегда характеризовало до определённой черты двух масонов) и «заслуги» Катрин, выручившей бандитов в критическую для них минуту, на несколько лет продлили её пребывание в этом мире. Кроме того, Геккерены с нетерпением ждали появления на свет наследника для Дантеса, а у жены как назло, рождались только девочки (три подряд) и один мёртвый мальчик. И когда пятая беременность завершилась рождением здорового мальчика, Катрин, не вставая с постели после родов, умерла.

Операция по уничтожению Е. Н. Гончаровой по своей сложности не шла ни в какое сравнение с петербургским антипушкинским заговором: теперь убийцам было значительно легче в им практически никто и ничто не могло помешать. Дело происходило в Сульце. В глухом провинциальном городке на севере Франции, где Дантесы жили в доме — «деревенском замке» — Жозефа Дантеса-отца и на ферме — типа современной дачи — близ Сульца, принадлежали только Дантесу-сыну и его жене, но тем не менее операция была проведена со всеми предосторожностями.

И опять — уже в который раз — хотелось бы заглянуть в душу Дантеса. Он снова оказался в подчинённой роли и должен был наблюдать, как будут убивать его жену, мать его детей, с которой будем думать, он всё же, несмотря на тягость вынужденного брака, сблизился за шесть лет. Но это была последняя жертва, впереди его ожидали обещанные награды.

Смерть для приговорённой (и на этот раз!) была выбрана самая естественная — от «тяжелых» родов. (Катрин ничем другим не занималась эти шесть лет, как только произведением на свет потомства). Операцией руководил всё тот же Геккерен, хотя он и находился в те дни в Вене, где к тому времени получил место посланника. Он лично следил за ходом болезни «невестки»,

получая ежедневно письменные сообщения от домашнего врача Дантесов доктора Веста. Тот же Геккерен взял на себя миссию информировать Гончаровых о происходящем в Сульце. Дантесу, по словам голландца, это делать было тяжело: так он страдал из-за внезапной болезни жены. Письма Геккерена в Россию короткие, и в них преобладает две темы: «тяжёлые и мучительные роды» Катрин и требование к Д. Н. Гончарову о выплате им денежного долга Дантесам. Последний мотив, порой доходящий до наглости, характерен, кстати, для всей шестилетней переписки между Сульцем и Полотняным заводом, где жил глава семейства Гончаровых.

Трудно, а может быть и невозможно восставить истинную картину событий, происходивших в октябре 1843 г. в затерянном среди лесов и гор Эльзаса городке. Для будущих исследователей этой очередной кровавой страницы жизни и деятельности Геккеренов отметим следующие обстоятельства.

Трудными родами обычно бывают первые, пятые же — значительно реже, тем более, что четверо предыдущих ничем не осложнялись и никак не повлияли на здоровье роженицы. Умершей было всего 34 года и накануне родов её «весёлой и здоровой» видел брат Иван Николаевич. Род Гончаровых отличался завидным долголетием, женщины рожали детей — кто сколько хотел.

«Смерть жены как будто развязала руки Дантесу», — так завершают свой рассказ о печальной судьбе Е. Н. Гончаровой И. Ободовская и М. Дементьев. Последняя связь с прошлым была разорвана, и Дантес мог теперь беспрепятственно и без оглядки назад не только возобновить лёгкую и беззаботною жизнь, на которую способен только француз, но и окрасить её новыми красками. Его путь лежал в Париж.

Удивительна, если не принимать во внимание заслуги Дантеса перед масонами, и совсем не удивительна, если это принять во внимание, дальнейшая судьба Дантеса. «В 1845–70 гг., — пишет в своей статье о Дантесе В. С. Нечаева, — убийца Пушкина являлся не только заметной величиной в политических и дипломатических кругах Франции, но делает блестящую карьеру: член Генерального Совета Верхнего Рейна, он был избран народным представителем в Национальное, а затем и Учредительное собрание, где имел значительный вес. При водворении империи, которой он сильно способствует, Луи-Наполеон облекает его тайной миссией ко дворам Вены, Берлина и Петербурга. Сорока лет от роду он уже сенатор и играет крупную роль в дипломатическом мире, председатель Генерального Совета Верхнего Рейна, командор Ордена

Почетного Легиона, он становится во главе целого ряда промышленных предприятий, железнодорожных компаний, кредитных банков и страховых обществ. Одно перечисление различных родов его деятельности и успехов говорит о каком-то незаурядном даровании, заключённом в его личности. Если действительно в пору его молодости Дантес был только пустым и хамоватым поручиком, то откуда в нём позднее эта кипучая деятельность, ведущая его от одного успеха к другому?».

Время жертвенных посевов прошло — настало время пожинать плоды. Но и на этом не заканчивается история борьбы двух иностранных масонов с Пушкиным и его тенью. Спустя годы очередной жертвой Геккерена и Дантеса стала дочь последнего — Леони. Она единственная из Дантесов выучила русский язык, выросла русофилкой, страстной поклонницей Пушкина, которого читала в подлиннике.

Дантесу это было неприятно, а может быть она прознала о кое-каких тайнах отца, и он заточил её в сумасшедший дом, где она и скончалась. Другого ребенка Дантесов, сына Луи-Жозефа, «дедушка» Луи Геккерен лишил наследства.

Могла быть и ещё одна жертва. В январе 1841 г. на охоте был ранен сам Дантес. «Мой муж, — писала Катрин брату, — чуть не был убит на охоте лесником, ружьё которого выстрелило в четырёх шагах от него, пуля попала в левую руку и раздробила кость». (Левая рука, как заветный талисман, вот уже во второй раз приняла на себя всю тяжесть выстрела). «Что это? — спрашивают комментаторы этого письма И. Ободовская и. М. Дементьев. — Случайный выстрел? Так ли всё это было на самом деле, не скрыл ли что-нибудь от жены Дантес?» Из других писем Катрин явствует, что поправлялся, Дантес после ранения очень долго, и врачи не отходили от него ни днём, ни ночью… Вряд ли дело обошлось только рукой.

О леснике и его дальнейшей участи Екатерина Николаевна ничего не пишет. А может быть, и не было никакого лесника? На счёт покушения на Дантеса (будем называть так выстрел ружья лесника) могут быть высказаны две версии. Во-первых, случай на охоте мог быть мерой воздействия на Дантеса со стороны его друзей (не исключая Геккерена). Может быть, француз устал жить в неволе, с навязанной ему женой, вдали от света, потеряв надежду когда-либо получить плату за все услуги, оказанные им этим «друзьям». Не исключено также, что он был против будущего убийства Катрин. Другая версия: в те времена в окрестностях Сульца, где происходила эта охота, находился и долгое время охотился друг Пушкина С. А. Соболевский, выдававший себя «то за камергера российского императора, то за князя и гвардии

полковника». Не его ли рук это дело? Не его ли «лесник» выстрелил в Дантеса? Но тогда это не покушение, а несостоявшаяся месть Дантесу.

Будет ли закончено следствие? Да, будет. Долг всех пушкинистов, всех честных людей помочь этому и подвести, наконец, итог затянувшемуся делу.

Оскорбленный поэт «по виду бумаги, по слогу, по тому, как оно составлено», заключил, что письмо исходит от иностранца и дипломата голландского посла, барона Луи Геккерена… Об этом он сообщил шефу жандармов Бенкендорфу, но предположение А. С. Пушкина не было своевременно проверено.

Лишь после гибели поэта жандармское отделение царской канцелярии сделало вид, что собирается установить по надписи «Александру Сергеевичу Пушкину», стоящей на обороте «диплома», кто его автор. Для этого затребовали образец почерка у Дантеса, который прислал несколько строк, написанных по-французски. Это якобы и вынудило «экспертов» отказаться от сравнительного исследования. Причина, конечно, явно надуманная — сам-то «диплом» был на французском языке!

Общественное мнение долго мучил вопрос: почему. Дантес, хотя пуля противника попала прямо в него, отделался только царапиной? Считалось, что пуля срикошетила от одной из пуговиц его мундира, задев лишь руку, и это спасло ему жизнь. Но случай ли помог Дантесу?

Завеса тайны над обстоятельствами дуэли приоткрылась лишь в 1938 году. Используя достижения судебной баллистики, инженер М. З. Комар вычислил, что пуля Пушкина неминуемо должна была если не разрушить, то хотя бы деформировать пуговицу мундира Дантеса и вдавить её в тело. К такому, выводу он пришел, учтя массу и скорость полёта пули на расстоянии в десять шагов. Формулы, которыми он пользовался при расчётах, были известны и в тридцатых годах прошлого века, но жандармы посчитать не удосужились. Отсутствовали в материалах военно-судебной комиссии и сведения об осмотре деформированной пуговицы с мундира Дантеса.

Пуговицу эту не осмотрели потому, что её не было. Было нечто другое, дававшее Дантесу возможность продемонстрировать «героическое самообладание и ледяное спокойствие» во время дуэли.

Принимая во внимание более чем странное поведение его приёмного отца Геккерена. Который, отбросив спесь, униженно упрашивал поэта отсрочить дуэль хотя бы на две недели, В. З. Вересаев в книге «Пушкин в жизни» высказал предположение, что, зная о неизбежности поединка, барон

заказал для своего питомца нательную кольчугу, которая и стала «пуговицей», спасшей Дантесу жизнь.

Позже расчёты М. З. Комара и гипотеза В. В. Вересаева нашли подтверждение. Были произведены новые расчёты, показавшие, что пуля попала в преграду больших размеров и плотности, способную противостоять её ударной силе. По характеру скрытого перелома рёбер у Дантеса судебно-медицинский эксперт В. Сафронов заключил, что такой преградой, скорее всего, стали тонкие металлические пластины.

А зимой 1962 г. тайная сторона дуэли Пушкина с Дантесом окончательно стала явной. Посредством современных методов криминалистического исследования были проверены все имеющиеся материалы о гибели поэта, в том числе проведён специальный эксперимент: по манекену, обличенному в мундир Дантеса, были сделаны прицельные выстрелы. Стреляли в пуговицу мундира из пистолета А. С. Пушкина и с той же позиции, в которой находился раненый поэт. Авторы эксперимента — ленинградские криминалисты и судебные медики полностью исключили возможность рикошетирования пули. Кроме того, стало ясно, что Пушкина и его секунданта Данзаса бессовестно обманули: дуэльные пистолеты обладали разной убойной силой. То, что пистолет поэта бил слабее, установили, сопоставив повреждения, причинённые пулями из того и другого оружия…

Недаром тёмною стезёй
Я проходил пустыню мира.
О нет, недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой!